

18 мая 1980 года произошло самое мощное извержение в Северной Америке за весь исторически обозримый период вулкана Св. Елены в штате Вашингтон. Извержение снесло полкилометра высоты вершины, вынесло несколько кубических километров грязевых потоков и пепла, принесло неисчислимое количество разрушений и унесло много человеческих жизней. Не все знают, что эта гора лишь точка в каскадной цепочке вулканов от Калифорнии до Канады. Высочайшей вершиной в каскаде является Рэйнир в одноимённом всемирно известном Национальном Парке в штате Орегон. Восточная его вершина уже когда-то дала извержение, оставив почти правильный круг кратера – см. фото ниже. Учёные утверждают, что вторая вершина тоже когда-нибудь извергнется. Пока же эта гора высотой 4394 м над уровнем моря является любимым местом испытания сил альпинистов и рискованных туристов. Наш земляк, Виктор Вадимов из Сакраменто, в прошлом году уже пытался покорить вершину, но неудачно. Недавно он в одиночку повторил попытку, которая была зашита местной спасательной службой, хотя сам восходитель результатом не полностью удовлетворён.

Кратер и вершина Рэйнир с цепочной поднимающихся альпинистов. В верхнем углу – гора Св. Елены в облаках, вид с вершины Рэйнир (Фото Боб и Ира Спринг из буклета “Вершина Рэйнир”).

Идём, старина, на Рэйнир?

Виктор Вадимов

http://vadimov.net/index.php?p=1_43_-

“Если и нельзя напечатать – легче, когда напишешь. Напишешь – и можно забывать...”

Варлам Шаламов

Рассказ “Первый зуб” (выбитый - ВВ)

- Вы заплатите штраф за своё сольное восхождение!
- Да ни за что!
- Заплатите-заплатите!
- Почему это вдруг?
- Потому что Вы не имели права идти в одиночку!
- С каких это пор?
- Узнаете...

Рейнджер угрожающе кивнул головой и двинулся вниз. Тут же из-за скалы появился второй, и они прыжками шустро рванули по осыпи и скрылись среди камней ниже.

Настроение испортить им не удалось, главное было позади. Отсюда хоть ползком, но доберусь. Однако, попробовал увязаться за ними, но они сразу, как в воду канули. Жаль, по их следам было бы быстрее и спокойнее выйти на снежник. Впрочем, не нам с Гарибальди уже соревноваться с профессионалами. Конечно, Гарибальди Трофим Денисович – это кличка, а не настоящая фамилия.

В одиночку ходил не в первый раз. Про Мак-Кинли всё описано, и говорить нечего. Хотя всё было не так и не потому, но действительно, чуть не кончилось совсем плачевно, хотя и так достаточно весьма. Зато полно мистики.

Один же первый раз ходил в Даршае – Тянь Шань, где в стародавние времена участвовал в Харьковской экспедиции. Начальник спасотряда, заменявший одновременно общего начальника, бывшего на восхождении, никого не выпускал наверх, пока не принесут палатку с заброски прошлого выхода. Как всегда, никто не хотел быть крайним, и день прошёл в гнусной торговле, кто чего кому должен. С утра пораньше поэтому тихонько пошёл сам. За что и схлопотал: “– Думаешь, очень благородный? Могу дисквалифицировать за опасное хождение в горах.” (Сухарев Владимир Николаевич!)

Однако, правильно говорил Лев Николаевич Толстой: “Не одинок путник: 2 ангела у него за плечами. На двоих – 1. А между тремя – чёрт!” Совершенно справедливо. Совсем другие впечатления. Успел углядеть огромный камень, бесшумно перекатывавшийся по травянистому склону бутылочного горлышка долины перед самым подъёмом на перевал. Каменюга размером с хороший двухэтажный дом мягко переваливалась с грани на грань, оставляя углами огромные вмятины в сырой земле. Острота восприятия отметила его далеко сверху, а остановился он метров за 50. Только тут земля негромко чвякнула напоследок. Такие образчики фотографируют, как примеры: вот чего могут вынести на себе ледники в древние оледенения! Но тут сам свидетель, дело было иначе.

Зверюшек увидел неисчислимо!..

Мой приятель, бывший москвич и бывший напарник по запоминающемуся восхождению, ныне коренной израильтянин, оформил себе разрешение на Рэйнир именно в одиночку. Правда, мы-то с Гарибальди выходили вдвоём.

Сначала, как водится, шли асфальтированные дорожки, заманивая сначала полого, а потом круто вверх. Леса кончились, дорожки выродились в окаймлённый гравий, уже перемежаемый снегами. Народ бодро праздновал, причём только тяжело и целеустремлённо гружённые вежливо уступали дорогу встречным и не забывали благодарить и приветствовать.

Вечное волшебство подъёма: огромные скалы и гребни вокруг парковки постепенно сливались с плоскостью реки и долины внизу. Зато пик Адамса и Санта Хелен – Святая Елена – выпячивались всё более ощутимо на фоне неба.

Последний подъём к гребню к долго невидимой за перегибом хижине казался бесконечным. Мимо проходила, обгоняя, масса молодого и не очень народа. Некоторые чуть не бегом, другие тяжело дыша и прифукивая, но неуклонно приближаясь, а потом и неумолимо удаляясь. В отличие от всяческих соревнований, никто не сопротивлялся, здесь точно: каждому – своё.

Наутро Гарибальди жаловался на “горняшку” и к восхождению, сказал, не готов. Пошли тогда акклиматизироваться к следующему бивуаку уже на чистом снегу, метров на 400 выше по высоте, то есть километра на три с половиной над уровнем моря. Поднимемся-спустимся, всё легче будет. Но лучше не стало.

Настоящие “спортсмены” собираются выходить в полночь. “Зачем?” – спрашиваю уже знакомого по прошлому неудачному году рейнджера Томаса. “Потом в темноте блукать по скалам...” Наклоняясь и подмигивая, Томас тихонько говорит: “Раньше пол-третьего сам я не выхожу!” Но выясняется маленькая подробность: он до вершины доходит часа за 4! И раза 2 в неделю...

Поторговавшись, намевались мы выйти в час ночи. Но вышли в 3. В 2 Гарибальди со страхом доложил, что снег идёт. Ну, да. Было немножко. Мог бы умножиться, но к счастью, не случилось.

Тот же Томас до снежного бивуака доходит за час. Мы же и во второй раз не уложились и в 2. Здесь Гарибальди сник совсем, голова кружилась, сил не стало, о подъёме не могло быть и речи. Так я остался один с новой попыткой.

Уже через 20 минут крутого взлёта следы свернули вправо и сузились до ширины стопы. Внизу в лунном свете оттенялись провалы ледопада. Тут не шибко-то было бы с головокружением.

Вверху надо мною на скалах, на снежнике выше скал и совсем высоко, чуть ли не в небесах, сверкали блёстки налобных фонариков групп, топтавшихся и чавкавших в хижине с вечера, а вышедших на восхождение с полуночи. Красиво, конечно, но страшно далеки они от народа! Вышедшего позже...

Сам я фонариков не люблю. Раз посветив под ноги, уже не можешь идти без света. Хотя, помню, случай, когда гроза грохотала над головой и сзади, темнота стала сплошной чернотой со всех сторон, а фонарик первого, наверное, от влаги стал выключаться самопроизвольно. Но никто из нас пятерых ни на секунду не замедлил бега и не где-нибудь, а в знаменитой Безенгийской долине, где альплагерь окаймляется крутейшими склонами с одной стороны, а с другой – мореной к леднику, тоже очень не плоской: многие ночевали на леднике у самого лагеря, но под мореной, если не успевали пройти засветло. На крутом же склоне ночёвок не было, и мы как-то сбежали в тот раз, даже ноги не подвернули. Точно: звериное чутьё просыпается!

На скалах обогнала меня двойка с верёвкой. Она без рюкзака – впереди. Аж подпрыгивает при каждом шаге! Он с малюсеньким рюкзачком сзади, молча идёт за ней, потом разворачивается за ней, идёт в другую сторону без слова упрёка. Стараюсь при луне углядеть старые следы, не обращая внимания на эту пару, и к снежной тропе выходим почти одновременно. Здесь они отрываются безвозвратно.

Да это и не тропа вовсе – траншея! Снег крутой кальгасперного типа, то есть глубоко протаявший, а затем замёрзший с пиками и провалами, отчего склон кажется ещё круче. Прорезая снежность, вьётся траншея зигзагом. Повороты иногда скрываются за перегибом склона, и тогда путь кажется бесконечным и конец его недостижимым. Траншеи заканчиваются, но следы видны хорошо даже в рассветном полумраке.

Вот и первая трещина. Матово зеленоватый лёд обрывается извивающейся стеной, и дна не видно совсем. Края затоптаны множеством ног, но совершенно очевидно, что они за краем трещины, на нависающем снежном карнизе. Впрочем, почему он должен обвалиться именно подо мной? Он и не обваливается. Потом трещины встречаются всё чаще, какие переходятся, какие – перепрыгиваются.

Начали подходить уже спускающиеся сверху. Все с верёвками, кто по двое, а где и по 8 человек. Вздвигающаяся стена ледопада пересекается наискось узкой цепочкой следов. Видно, что все ступают след в след, в одном месте длинная свежая белая полоса соскользнувшего оступившегося. Пропускаю первого инструктора, который искренне удивляется, как это я иду “соло”? Ехидно замечаю, что его люди да и он сам все держат верёвку от стены: при срыве человек всем весом падает через верёвку и скорее всего срывает остальных, тем более, что все идут одновременно, толку от такой страховки мало. Он не возражает. Говорит, моя вина, плохо объяснил.

Глубокая трещина заложена дюр依иевой лестницей с застеленными двумя мокрыми досками. Перил нет, но есть закреплённая на верхнем конце верёвка, второй конец которой скручен кольцами и болтается свободным. Непривычная конструкция. Сразу вспоминается Лёша Москальцов, сорвавшийся в первой совэкспедиции на Эверест именно с дюр依иевой лестницы. Перелом основания черепа и несовершенное восхождение в результате. Ступаю “кошками” на металл, быстро перехожу на доски, придерживаясь за закреплённый конец верёвки, и с облегчением ухожу выше.

Идти всё труднее. Вспоминаю байку первой харьковской экспедиции на пик бывший тогда имени Ленина, 7104 м. Договор был такой, что первый, кто топчет следы, делает шаг и дышит ровно 30 раз. Потом делает следующий шаг и снова дышит по счёту. Вдруг кто-то первый – догадываюсь, кто именно! – делает всего 28 вдохов-выдохов и делает следующий шаг. Тут же в несколько голосов раздался крик: – Куда побежал?!

Вспомнил сие и заставил себя жёстко считать два вдоха. Потом – 3. Помогло! Переходы стали длиннее, а остановки отдыха реже.

Весь мир вокруг белого цвета, зелень лесов и трав так далеко внизу, что не только неразличима, хотя и желанна, но как-то нереальна здесь. Горы вблизи и вдалеке – все явно ниже.

Неожиданно послышались голоса, хотя я был уже один на всю окружающую Вселенную. Высотные галлюцинации? Инстинктивно кручу головой и проверяю свои реакции. Но тут сверху показывается пара, обогнавшая меня ещё после скал. Женщина лучезарна, поздравляет с близкой вершиной, выражает восхищение “соло”. Мужчина деловито объясняет, что вот за ближайшей трещиной с наклонным ледовым мостиком – вершина, до неё не больше 100 метров. Тогда останавливаюсь у трещины и достаю телефон, у которого давно уже нет связи ни с кем. Звоню. Здесь сёрвер работает! Докладываю в Нью-Йорк своим, где это я нахожусь сейчас. И тут накатывает туман. Вернее, белое облако садится на вершине.

Как часто бывает в тумане на высоте, сразу стало душно, и жар опалил кожу лица. Хуже другое, появилась резь в глазах, и начал тереть их кулаками, как ребёнок, что, конечно, не помогало.

Вдруг накатил страх. Представилось, как я слепой, ощупью, ногами и руками разыскиваю путь вниз. Ярво вспомнились все трудные места, мостик и стенка, трещины, и как спускавшиеся долго примерялись, прежде чем прыгнуть на другую сторону. Что такое солнечная слепота, знал хорошо. Или как при сварке говорят – зайчиков нахватался: слёзы текут ручьём, ничего не видно.

К чёрту, решилось! Вверху точно уже никого не было. Рассчитывать на чью-то помощь не приходилось.

В былые времена ни за что бы не повернул за 2 шага до вершины! Но сейчас ужас нахлынул в представлении, как сидеть вслепую где-то, кутаясь в рукава и замерзая в ночной высотный мороз.

Взял себя в руки и ещё раз проверил ощущения. Глаза резало и солнечный свет слепил, не смотря на тёмные очки.

Тогда быстро собрался и рванул вниз. Торопился страшно, пока можно было. Бежал, как в старые добрые времена. Как показывал своим неопытным друзьям на склонах Шасты: надо выставлять пятку вниз и прыгать и прыгать каждой ногой без остановки, не приседая и не теряя равновесия. Вниз-вниз-вниз!

На первой же скальной площадке ниже уже всех трещин и большей части снегов догнал ту самую пару: – О! Рады Вас видеть снова уже здесь!

Мне показалось, что спуск занял минут 15-20. Здесь поснимал тёплые вещи, допил последнюю воду и доел последний шоколад. Посидел. Пожевал, растаивая во рту, снег. Полежал, погрелся на солнце, взгромоздил рюкзак на себя, и тяжело вздохнув, двинулся вниз.

Остаются вопросы. Во-первых, откуда такая волнительность и разыгравшееся воображение на вершине? Уж не “горняшка” ли и у меня там была? Во-вторых, куда девалась кипучая энергия на спуске, как только кончились все опасные места, и она испарилась, как иголкой проткнутый воздушный шарик? Почему не удалось её продлить подольше, а поплёлся я себе солнцем палимый медленно и грустно аж пока через много часов не доплёлся до самой хижины, где встречал меня Гарибальди с поздравлениями и огромной кружкой, правда, просто воды да ещё и совершенно холодной и безвкусной. Правда, рэйнджеры утверждают, что Рэйнир иногда “дышит” ядовитыми испарениями. Может, их влияние?

Рэйнир с подходов от долины Парадайс, 29 июля 2010 года. Маршрут – за обоими скальными гребнями справа на фоне неба.
12 августа 2010 г.